

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЕВКИН

доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента
экономического факультета, Петрозаводский государственный
университет
levkip@mail.ru

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛАПТЕВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры теоретической
экономики и государственного и муниципального управления
экономического факультета, Петрозаводский государственный
университет
econfac@psu.karelia.ru

**НОВЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ТИПОЛОГИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ**

В статье проводится критический обзор существующих методологических подходов к анализу социально-экономических систем. Выдвигается и рассматривается гипотеза о возможности междисциплинарного изучения социально-экономических систем с позиций социосинергетики и интегральной психологии. Предлагается возможный вариант типологии социально-экономических систем на основе Ц-матриц (V-MEMES).

Ключевые слова: социально-экономическая система, типология социально-экономических систем, социосинергетика, интегральная психология

В последние годы существования и после распада Советского Союза в исследованиях фундаментального характера экономистов, социологов и политологов не утихают ожесточенные споры о природе и характеристиках современных социально-экономических систем. Эти споры имели бы чисто академическое значение, если бы их результаты прямо не затрагивали реальное состояние экономики России и жизни общества в целом. В зависимости от направления вектора научных дискуссий начиналось активное строительство «социализма с человеческим лицом» (1980–90-е годы), «социально ориентированного капитализма» (начало 1990-х годов), «цивилизованной рыночной экономики» (2000-е годы), «постиндустриального общества» с акцентом на «догоняющую модернизацию» (настоящее время). Точкой отсчета для таких теоретических конструкций становится, как правило, описание уже существующей на текущий момент времени системы экономической жизни российского общества. И здесь разброс мнений становится запредельно широким. Попытку обобщить это многообразие предпринял американский социолог В. Э. Шляпентох. Из огромного количества ярлыков, при помощи которых специалисты характеризуют современную Россию и ее социально-экономическую систему, он выделяет пять групп [11; 17–18]. Первая группа содержит общие определения общества с самых широких позиций цивилизационного подхода, такие как «нормальное общество», «переходное общество», «трансформационное общество», «православная цивилизация» и «евроазиатская цивилизация». Вторая группа содержит полити-

ческие характеристики: «монархия», «избираемая монархия», «патерналистское общество», «управляемая демократия», «суверенная демократия», «суперпрезидентская республика», «криминально-синдикалистское государство», «авторитаризм», «тоталитаризм», «демократическая форма царизма», «феодализм», «расколотое общество», «российская демократия», «либеральная империя» и т. п. Третья группа терминов делает попытку описать экономическую структуру общества: «олигархический капитализм», «государственно-монополистический капитализм», «дикий капитализм», «криминальный капитализм», «клептоманный капитализм», «гангстерский капитализм», «хищный капитализм», «рыночный большевизм», «клановый капитализм», «незрелый капитализм», «мутантный капитализм», «капитализм джунглей», «корпоративное общество», «феодализм лавочников», «бюрократическо-олигархический капитализм», «паразитарный капитализм», «номенклатурный капитализм», «управляемый рынок», «развивающаяся экономика», «транзитивная экономика» и т. д. Четвертая группа акцентирует внимание на национальной и этнической идентичности, используя такие термины, как «евразийская нация», «постсоветское общество», «интернациональная империя», «часть западной цивилизации», «синтетическое общество» и т. д. И наконец, некоторые авторы фокусируют свое внимание на характеристиках, связанных с положением России и ее восприятием в мире: «энергетическая сверхдержава», «сырьевой придаток развитых стран», «страна с отсталыми технологическими укладами», «ядерная супер-

держава», «демократия среднего дохода», «институционально несовершенное общество», «переходное общество». Данные примеры наглядно показывают, что попытки описать российское общество и дать развернутую характеристику его социально-экономической жизни в терминах одной интегративной системы (либеральной, авторитарной, демократической, рыночной, социалистической и любой другой) обречены на провал. Такая же проблема возникает и при описании других социально-экономических систем (американской, западноевропейской, японской, латиноамериканской, скандинавской и т. д.).

Почему же современная наука оказывается неспособной дать определение ключевой для жизни современного общества категории «социально-экономическая система» (что находит свое отражение в широком разбросе мнений и научных позиций, каждая из которых, казалось бы, имеет полное право на существование, но при этом не позволяет реализовать важнейшую прогностическую функцию научного знания)? Почему мы не можем избежать весьма ощутимой и болезненной фрагментации научного знания по этому вопросу? Проблема заключается в использовании неадекватного современному состоянию науки и общества научного аппарата, в основе которого лежит системная методология образца 1950–60-х годов. Начиная с 1970–80-х годов мы наблюдаем четкую тенденцию к сдвигу научной парадигмы познания жизни социально-экономических систем, что находит свое отражение в смене способа понимания окружающей хозяйственной реальности, влиянии открытий в одной научной области на многие другие области, существовании огромного массива данных, которые не находят своей интерпретации в рамках старой системной парадигмы. Непризнание фундаментальной экономической наукой этих изменений во многом привело к тем катастрофическим последствиям, которые произошли в экономике России в начале и середине 1990-х годов.

Основой прежней системной методологии была и остается кибернетика, претендовавшая в XX веке на роль всеохватывающей науки об управлении сложными системами самого разного порядка и ранга (по замыслу ее создателей – Н. Винера, Ст. Бира и Г. Клауса, кибернетика является наукой об общих принципах управления в технике, человеческом обществе и в живых организмах). Благодаря кибернетике современная наука значительно расширила свой понятийный аппарат, прежде всего за счет концепции «черного ящика», аналогий с механизмами управления, реализуемыми в биологических системах (в первую очередь с механизмом гомеостаза), и таких понятий, как «обратная связь», «вход» и «выход» системы, принцип «внешнего дополнения», «энтропия», «информация» как отрицание энтропии и т. п. Однако уже сам

Ст. Бир в своих работах отмечал, что управление социально-экономической системой – это управление не людьми, финансовыми ресурсами, материальными потоками или информацией, а прежде всего управление сложностью. Мерой сложности является разнообразие состояний, и поэтому в основе модели жизнеспособной системы лежит действие закона необходимого разнообразия У. Эшби, который требует, чтобы набор управленческих реакций был не менее богатым, чем набор возможных состояний среды, проблемных ситуаций в окружении социально-экономической системы [10; 136]. Кибернетика не смогла до конца адекватным образом описать и решить всю гамму проблем, возникающих при управлении сложностью. Во многом причиной этого стал технократический редукционизм (взаимосвязи управляющих и управляемых систем в кибернетике, как правило, изучаются лишь в той мере, в какой они допускают выражение средствами математики и формальной логики), а также отрыв от последних достижений целого спектра наук (начиная с последних открытий в области изучения мозга человека и заканчивая новыми представлениями об эволюции биологических и социальных систем, сформированных, например, еще в рамках ноосферного подхода русскими учеными конца XIX – начала XX века). Пересматриваются и базовые положения кибернетики в связи со становлением принципиально новых понятий и закономерностей, описывающих поведение сложных систем. Кибернетические «провалы» устраняются во многом за счет обращения к относительно новому направлению междисциплинарных изысканий – синергетике. Современная трактовка этого понятия заключается в том, что синергетика – это научная дисциплина, изучающая основные законы самоорганизации сложных систем (в нее входят такие области, как нелинейная динамика, хаос, фракталы, катастрофы, бифуркации, волны, солитоны, полевые эффекты и т. п.). Главная заслуга синергетики на современном этапе ее развития и ключевое отличие от кибернетики заключается в нахождении пути преобразования неустойчивости в устойчивость, вскрытии механизмов, делающих такой переход неизбежным, а также анализе диапазона и иерархии детерминирующих факторов, обуславливающих фазовые переходы [8; 47]. Этим объект синергетики как научной дисциплины коренным образом отличается от объекта изучения кибернетики – устойчивых управляемых саморегулируемых систем, как правило, целевых и равновесных [6; 162].

Одним из важнейших междисциплинарных направлений синергетики на современном этапе ее развития выступает исследование самоорганизации социальных систем (социосинергетика). Основы познания развития социально-экономических систем как неравновесных структур были

заложены еще в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Огромный вклад в познание хозяйственной действительности как сложного многомерного объекта с большим количеством прямых и обратных положительных и отрицательных связей был внесен в экономическую науку Ф. Листом, А. А. Богдановым, Н. Д. Кондратьевым, Й. Шумпетером, К. Поланьи, Л. Мизесом и Ф. Хайеком. Однако эти ученые давали лишь фрагментарное представление о сущности социально-экономических систем как самоорганизующихся объектов. Значительный прорыв в этом направлении был сделан в конце XX века в работах многих зарубежных и отечественных исследователей (Р. Ф. Абдеев, В.-Б. Занг, А. И. Добрынин, Р. Нельсон, С. Уинтер, Д. Норт, Г. Б. Клейнер, В. И. Мавевский, Е. В. Попов, Л. П. Евстигнеева, Р. И. Евстигнеев, С. Д. Хайтун и др.). Важным выводом из анализа работ этих авторов является то, что социально-экономическая система четко удовлетворяет требованиям, предъявляемым к саморазвивающимся системам любой сложности [3], [4], [7], [8]. Господствующая позиция к классификации социально-экономических систем в экономической науке отталкивается от институционально-технологического и/или формационного подходов, исходя из содержания которых выделяются последовательно сменяющие друг друга этапы в развитии человеческого общества: первобытно-общинный, аграрный, промышленный, или индустриальный, и постиндустриальный способы общественного производства. Движущей силой социальных преобразований является процесс развития производительных сил общества. В свою очередь, в обоснование процесса развития производительных сил человеческих обществ легло положение о постоянно возобновляющемся процессе развития и обогащения человеческих потребностей. Непрерывно растущие потребности людей приводят к увеличению потребительского спроса на рынке товаров и услуг. Для удовлетворения возросшего потребительского спроса необходим рост производства и появление продукции с новыми потребительскими качествами. Эту задачу выполняют ученые, конструкторы, инженеры, совершенствующие технологию производственного процесса, а также другие специалисты и работники, участвующие в развитии производительных сил общества. Простота и ясность теоретических положений данной гипотезы способствовали ее быстрому и широкому распространению, и она стала предлагаться как единственно возможное объяснение причин, определяющих процесс развития производительных сил и человеческого общества в целом. При этом многие ученые до сих пор стоят на позиции технологического или экономического детерминизма, исходя из принципа «человек есть функция экономики». Если же исходить из принципа «экономика есть функция человека», то стано-

вится очевидным, что процесс экономической эволюции – это прежде всего процесс развертывания саморазвивающейся системы потребностей людей. Технологии, масштабы производства, производительность труда и сложность хозяйственных связей в этом случае могут рассматриваться лишь как системный фон для ее развития. И такой взгляд на эволюцию социально-экономических систем намного ближе к социосинергетической парадигме, чем традиционный технократический. Таким образом, ключевыми для современного этапа развития экономической науки становятся исследования, посвященные человеческим потребностям. Однако потребности выступают скорее как объект и предмет изучения психологии, чем экономики, так как потребности прямо связаны с сознанием человека. В связи с этим возрастает роль междисциплинарных исследований потребностей людей, находящихся на стыке экономики и психологии. И здесь мы снова видим преимущества социосинергетического подхода по сравнению с альтернативными методологическими конструкциями. Наиболее важными гипотезами при изучении социально-экономических систем, по мнению социосинергетиков, являются следующие: 1) предположение о существовании социально-исторических архетипов; 2) обусловленность архетипов нелокальным полем развития сознания человека; 3) ритмокаскадная природа развития архетипов [5; 237].

Механизмы социального наследования, свертывания информации, а также регуляции психических и поведенческих актов огромным опытом прошлого, прямо влияющие на мир потребностей человека, подробно исследованы психологами, особенно принадлежащими к культурно-исторической и когнитивной школам (Л. Выготский, А. Урия, А. Асмолов, Дж. Келли, М. Коул и др.). Они представлены в профессиональном тезаурусе такими категориями, как интериоризация, конструктор, мем (единица культурной памяти), социогенетический закон (мышление и прочие психические функции ребенка воспроизводят в своем развитии стадии предыдущего развития культуры) [9; 139]. Обусловленность архетипов развития нелокальным полем сознания человека может быть проиллюстрирована обращением к последним достижениям интегральной психологии. Один из основоположников и ведущий теоретик трансперсональной психологии К. Уилбер раскрывает спиральную динамику развития сознания и самосознания человека на примере модели матриц ценностей (Ц-матриц), разработанной психологами К. Грейвзом, Д. Беком и К. Коуэном [9; 68–76]. По мнению К. Грейвза, «психология зрелого человека представляет собой развертывающийся, творческий, возвратно-поступательный и спиральный процесс, этапы которого отмечены все большим подчинением старых систем поведе-

ния более низкого порядка новым системам более высокого порядка по мере того как меняются экзистенциальные проблемы человека. ...Каждый последующий этап, волна или уровень экзистенции – это состояние, через которое люди проходят на своем пути к другим состояниям бытия» [9; 59–60]. Чувства человека, его мотивация, этика и система ценностей, биохимия, степень активации нервной системы, системы научения, системы убеждений, концепции и предпочтения в сфере менеджмента, образования, экономики политической теории и практики – все они соответствуют этому состоянию. Каждая Ц-матрица – это одновременно психологическая структура, система ценностей и стиль адаптации, которые могут выражаться множеством способов, от мировоззрений до манеры одеваться и форм государственного управления. Различные Ц-матрицы, в определенном смысле, представляют собой разные этапы в развитии человеческого сознания и общества в целом, доступные нашей цивилизации в ходе ее движения по диалектической спирали под действием как ее собственной динамики, так и меняющихся условий жизни. Каждая Ц-матрица превосходит и включает в себя своих предшественников – это развитие как расширение охвата (синергетический принцип «матрешки»). Разные уровни эволюции сознания – не просто проходящие фазы; они представляют собой постоянно доступные способности и стратегии адаптации, которые могут активизироваться при соответствующих условиях жизни (например, инстинкты выживания могут активизироваться в чрезвычайной ситуации). Спираль Ц-матриц является беспорядочной и состоит из многообразных смесей, образующих мозаики, сетки, гибриды. Наиболее значимые классификационные признаки, которые могут быть положены в основу типологии социально-экономических систем, задаются характеристиками того или иного уровня Ц-матрицы, а также их взаимодействием и взаимопроникновением друг в друга.

Ниже дается краткое описание всех волн, образующих Ц-матрицы, доли населения мира, находящегося на каждой волне, и доли общественной власти и экономического влияния, которыми обладает каждая из этих групп.

1. *Архаически-инстинктивный уровень.* Уровень физического самосохранения. Приоритет отдается пище, воде, теплу и безопасности. Инстинкты и навыки используются только для выживания. Для продолжения жизни формируются группы выживания. Наблюдается в первобытных обществах, экономике психически больных бездомных («экономика бомжей»), при массовом голодании, при военном неврозе. 0,1 % взрослого населения земного шара, 0 % власти.

2. *Магически-анимистический уровень.* Мышление по преимуществу анимистического типа: землю переполняют злые и добрые магические

духи, которые оставляют за собой благословения, проклятия и колдовские чары, определяющие все события. Общности формируются по типу этнических племен. Духи предков связывают племя воедино. Политические связи устанавливаются в соответствии с принципом кровного и племенного родства. Наблюдается верование в злое колдовство, кровные клятвы, кровная месть, талисманы удачи, семейные ритуалы, этнические магические верования и предрассудки. Распространен в экономиках третьего мира, в криминальной экономике, спортивных командах и корпоративных кланах, некоторых социально-экономических системах кавказского региона РФ. 10 % населения Земли, 1 % власти.

3. *Магически-мифический уровень.* Мифические духи, драконы, чудовища и богатыри. Феодальные властители защищают своих подданных в обмен на их верность и труд. Основа власти – сила и слава. Мир видится как джунгли, полные опасностей и хищников. Где наблюдается: менталитет «переднего края», бунтующая молодежь, наемные солдаты, экономика шоу-бизнеса, феодальные вотчины. 20 % населения, 5 % власти.

4. *Сакрально-абсолютистический уровень.* В жизни есть смысл, направление и цель, и все определяется всепроникающим порядком. Этот порядок насаждает кодекс поведения, основанный на неизменных понятиях «правильного» и «неправильного». Нарушение кодекса влечет за собой суровое наказание. Соблюдение кодекса вознаграждается. Основа древних наций (цивилизаций). Жесткая социальная иерархия; патернализм; существует только один правильный образ мышления; фундаменталистские убеждения. Где наблюдается: пуританская Америка, викторианская Англия, экономический ортодоксальный либерализм, кодексы чести и рыцарства, исламский фундаментализм, патриотизм. 40 % населения, 30 % власти.

5. *Рационально-эгоистический уровень.* Мир представляется рациональной машиной, функционирующей в соответствии с естественными законами, которые можно изучить и освоить, а затем манипулировать ими в своих собственных целях. Ориентация на личный успех и карьеру, которые понимаются прежде всего как получение материальных благ. Научные законы управляют политикой, экономикой и событиями жизни человека. Где наблюдается: корпоратократия; эксплуатация природных ресурсов ради достижения стратегических преимуществ, экономика Уолл-Стрит, материализм, либеральный индивидуализм. 30 % населения, 50 % власти.

6. *Релятивистический уровень.* Ключевыми понятиями здесь становятся идеалы общности, связи между людьми, осознание экологических проблем, «сетевое» мышление, противостояние иерархии, установление горизонтальных связей, акцент на диалоге и взаимоотношениях, боль-

шая степень аффективного тепла, чуткости и заботы о Земле и ее обитателях. Такой подход становится основой коллективных сообществ (то есть свободно выбираемых групп, основанных на общности чувств и мнений), решения в которых принимаются путем соглашения и достижения общего мнения (оборотная сторона этого – бесконечная переработка и неспособность приходить к решению). Важным инфраструктурным фоном для социально-экономических систем на этом уровне развития становятся сильный эгалитаризм, плюралистические ценности, социальное конструирование реальности, разнообразие, многокультурность, релятивистические системы ценностей, субъективное, нелинейное мышление. Наполнение Ц-матрицы любого уровня сложности может быть активировано, если того требуют жизненные обстоятельства. Где наблюдается: постмодернизм, Гринпис, экофеминизм, политкорректность, защита прав человека, экуменическое движение, канадская система здравоохранения, экономика интернет-сообществ по типу членов виртуальной сети «В контакте» или «Одноклассники», самоуправляемые социально-экономические системы (10 % населения Земли и 15 % власти).

7. Систематически-интегративный уровень. Жизнь – это калейдоскоп естественных иерархий, систем и форм. Наивысший приоритет имеют гибкость, спонтанность и функциональность. Различия и множественность могут интегрироваться во взаимозависимые, естественные потоки. Там, где это уместно, эгалитаризм дополняется естественными степенями превосходства. Знания и компетентность имеют более важное значение, чем ранг, власть, статус или групповая принадлежность. Преобладающий мировой порядок является результатом существования разных уровней (матриц) реальности и неизбежных паттернов движения вверх и вниз по динамической спирали. Хорошее государствен-

ное управление облегчает подъем социальных структур через уровни возрастающей сложности. Социально-экономические системы отвечают требованиям «физической экономики» Л. Ларуша.

8. Глобально-холистический уровень. Универсальная холистическая система. Объединение чувств со знаниями; множество уровней переплетаются в единую сознательную систему. Всеобщий, но осознанный порядок, не основывающийся на внешних правилах или групповых связях. Возникновение новой духовности как сети всего сущего. Где наблюдается: концепция ноосферы Пьера Тейяра де Шардена. Седьмой и восьмой уровни затрагивают 1 % населения и обладают 5 % власти.

Несомненно, что теория Ц-матриц еще достаточно далека от практической проблематики социально-экономических систем и требует глубокой доработки в этом направлении. Но благодаря ей мы можем альтернативно взглянуть на те процессы и явления экономической жизни, которые не находят своего объяснения в рамках традиционной системной методологии. Принципы Ц-матриц были положены в основу дискуссий, которые положили конец системе апартеида в ЮАР, они оказались весьма плодотворными для реорганизации бизнеса многих крупных компаний, возрождения экономических систем небольших городов, реформирования систем образования и здравоохранения, управления спортивными командами и т. д. Практический успех Ц-матриц во многом объясняется тем, что они связывают уровень развития экономических систем и их типологию не с социально-экономическим (в контексте макроэкономической доктрины), технологическим, геополитическим или иным положением страны, а с *типом мировоззрения*, исходя из которого действует человек, группа людей, деловой мир, правительство или страна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белотелов Н. В., Бродский Ю. И., Павловский Ю. Н. Сложность. Математическое моделирование. Гуманитарный анализ: Исследование исторических, военных, социально-экономических и политических процессов. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.
2. Богатырева О. А. Описание социальных и экологических трансформаций: эволюция, история, сукцессия // Методология биологии: новые идеи (синергетика, семиотика, коэволюция). М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 253–262.
3. Буданов В. Г. Ритмокаскады истории и прогноз развития социально-психологических архетипов России до 2050 года // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 234–263.
4. Губарев В. В. Наука ли синергетика? // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 159–165.
5. Ильин И. В. Глобальные проблемы и процессы в контексте синергетического подхода и представления о глобальном эволюционизме // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 5. С. 284–292.
6. Малков С. Ю. Применение синергетики для моделирования социальных процессов // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 203–204.
7. Назаретян А. П. Синергетика, когнитивная психология и гипотеза техно-гуманитарного баланса // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 135–145.
8. Режабек Е. Я. Синергетические представления и социальная реальность // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 37–62.
9. Уилбер К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 412 с.
10. Хиценко В. Е. Модель жизнеспособной фирмы Стаффорда Бира // Менеджмент в России и за рубежом. 1999. № 3. С. 135–142.
11. Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый взгляд на постсоветскую эпоху: Пер. с англ. М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2008. 328 с.